

Кленцев Евгений Степанович (1926 г. рождения)

Гвардии рядовой, топограф-вычислитель. Участник подпольной комсомольской группы г. Макеевки (1942-1943г.г.). Участвовал в боях на четвертом Украинском Фронте. Награжден медалями.

доц., зав. каф. теоретической механики

Из воспоминаний. о деятельности одной из комсомольско-молодежных подпольных групп г. Макеевки в период фашистской оккупации:

«21 октября 1941 года я тоскливо наблюдал, как наши воинские подразделения покидают город, оставляя лишь надежду на их скорое возвращение. Особенно мне запомнились последние, быстро удаляющиеся фигуры старшего политрука и красноармейца, с которыми я разговаривал и у которых (не знаю для какой цели) попросил пакеты газет, предварительно выброшенные ими из уничтожаемой неисправной полуторки.

С 22 октября мы начали отсчет оккупационным дням.

В предвоенные месяцы я посещал городской Дворец пионеров и там познакомился с Борисом Рясным, дружба с которым особенно укрепилась в дни жестокого режима фашистской оккупации. Откровенные разговоры, возникавшие сразу и непринужденно, сближали нас и согревали теплом недалекого прошлого, вызывая жгучее желание бороться с фашистами и этим вернуть себе сознание собственной полноценности и оправдать необходимость пребывания именно здесь – на оккупированной территории.

Стремление к борьбе с оккупантами пришло к нам не как следствие восторженной юношеской романтики, а как естественная, само собой разумеющаяся, воспитанная общественным укладом необходимость защищать то, что мы считаем единственно возможным для нашего народа – советской строй.

Первые же наши попытки провести серьезные операции, способные нанести фашистам

серьезный урон, показали, что вдвоем систематически это делать невозможно. Нужны единомышленники, нужна организация. Но связи с подпольем, оставленным в городе, у нас не было. Городские партийные организации при комплектовании подпольных групп не могли кого-нибудь из нас включить в их состав – мы не имели даже комсомольского возраста.

Как свидетельствует опыт прошедшей войны, объективный возрастной уровень моих одногруппников порождал обидное противоречие: подростковая молодость не позволяла советскому обществу воспринимать нас как активных, серьезных бойцов, способных выполнять самостоятельные задания, а патриотический потенциал, заложенный в нас советским воспитанием, не мирился с ролью пассивных наблюдателей военных событий.

Диалектическое следствие этого противоречия проявилось в повсеместном возникновении на оккупированной территории мелких комсомольско-молодежных подпольных групп, деятельность которых заранее не планировалась, а само их существование стало непредусмотренным фактом. Если такая группа попадала в сферу действий подпольных партийных органов, то работа ее была очень эффективной, так как именно возраст во многих случаях обеспечивал успех: там, где взрослый вызывал подозрение – на подростка могли не обратить внимания.

Решив создать подпольную организацию, мы сразу же встретились с целым рядом мелких и принципиальных проблем. Спорили мы иногда до хрипоты, но от этого решения вопросов по-прежнему оставалось на полемической стадии. Договорились так: подбираем самых надежных ребят, разъясняем им создавшееся положение и вместе с ними формулируем, хотя бы частично, посильные и неотложные задачи каждого члена группы.

Оглядываясь назад и обсуждая с бывшими членами группы этот период становления нашей борьбы, мы можем с полным правом отметить правильность нашего решения и еще раз подтвердить высокую гражданственность наших товарищей. Не опираясь на них, мы с Борисом могли завязнуть в «теории» борьбы, забыв о самой работе.

С радостью хочется подчеркнуть, что при формировании группы мы не встретили каких-либо затруднений: во-первых, мы очень хорошо знали тех, с кем начинали разговор о будущей работе, во-вторых, каждый будущий наш товарищ уже что-то делал или готовился кое-что предпринять, и в-третьих, это было не в первые дни оккупации, а в период, когда оккупационный шок уже прошел и народ полностью оценил возможность и необходимость борьбы с фашизмом.

Это был апрель 1942 года.

К этому времени то, чего мы боялись больше всего – отсутствие программы и организационной структуры группы – само собой разрушилось: обмен мнениями, предложения, обсуждения, просто разговоры незаметно из огромного числа вопросов выделили самые главные, на которые общими силами были найдены ответы. Постепенно все становилось по своим местам и наши опасения в неразрешимости отдельных нюансов в работе группы оказались напрасными.

Наметилась следующая структура организации: командир, комиссар, штаб, у каждого члена штаба своя «пятерка» подпольщиков, которая может быть и большей и меньшей. Члены «пятерок» знают только своих командиров. Все подпольщики принимают присягу, разработанную штабом.

В качестве материальной базы необходимо иметь два тайника: для складирования оружия и для хранения особо важных документов. Место тайников определяют только командир и комиссар. Основой борьбы с фашистами предусматривается активная инициатива членов группы в каждой конкретной ситуации.

Общие наши задачи были сформулированы примерно в такой редакции:

– составлять листовки по местным материалам или по проверенным сообщениям из-за линии фронта; текст листовок проверяет и утверждает руководитель «пятерок»; подписывать листовки лозунгом: «Смерть немецким оккупантам!»; размножение и расклеивание листовок выполняют члены «пятерок»;

– приобретение оружия (пистолетов, винтовок, ракетниц, гранат, патронов и ракет) считать основной задачей на данном этапе; мелкие приобретения делать силами «пятерок» самостоятельно, а крупные операции проводить через штаб;

– руководителям «пятерок», через своих членов, устанавливать фамилии предателей и конкретно указывать их преступления; всем членам группы во избежание угона в Германию обеспечить себя документами о работе; в случае необходимости фактического выполнения работы на каком либо предприятии организовывать там диверсии; штабу организовывать операции по срыву облав на население и предотвращение его угона в Германию;

– всем членам подполья вести воспитательную и агитационную работу среди населения и особенно молодежи, не нарушая при этом требований конспирации;

– во избежание взятия и расстрела заложников физическое уничтожение оккупантов проводить в исключительных случаях или тогда когда есть возможность имитировать его под несчастный случай;

– каждый подпольщик должен помнить, что в его задачу входит нанесение физического и материального урона оккупационным войскам всегда и везде;

– каждого подпольщика, выполняющего свой долг, считать комсомольцем с выдачей комсомольского билета после освобождения.

Командиром отряда был избран Борис Рясный, комиссаром утвердили меня, в состав штаба, кроме нас двоих, вошли: Валентин Карайченцев, Владимир Петрухин, Василий Стекачев, Игорь Попов, Виктория Кучеренко.

В начальный момент в состав «пятерок» были зачислены « Зина, моя сестра, Лариса Зубкова, Мария Никульшина, Валентина Назарова, Анатолий Житников, Владимир Макогон. В дальнейшем в состав «пятерок» входили и другие ребята, но в результате ареста штаба они не успели проявить себя в деле и, практически, активного участия в работе группы в течение описываемого периода не принимали.

Место встреч членов штаба была назначена квартира Ларисы Зубковой. Ее домик располагался в центре города и удобен был тем, что бабушка Ларисы, всегда бывавшая дома, была глуховата и не стесняла нас при разговорах.

Тайники были оборудованы в четырехэтажном доме, в котором я жил. Дом имел тридцать две квартиры, из которых более половины в период оккупации пустовали, что давало возможность в любое время не замеченными иметь доступ к тайникам.

Трудно сейчас перечислить все мелкие и крупные операции которые группа выполнила в период с апреля 1942 по апрель 1943 года. К наиболее существенным и конкретно выраженным операциям можно отнести диверсии в армейской группировке, направляющейся в район Сталинграда и Кавказа. Мы приспособились прокалывать автомобильные скаты немецких автомашин так, что прокол происходил не в момент его совершения, а в пути через какое-то заранее непредсказуемое время. Такую операцию мы называли «тайными жучками».

Летом сорок второго года Мария Никульшина, Валентина Назарова и Игорь Попов поступили на работу в немецкую армейскую мастерскую по ремонту военной техники, в которой был и склад стрелкового оружия. Они должны были обеспечить нашу группу оружием. За два месяца работы в мастерской, рискуя жизнью, они смогли вынести из склада при различных опасных ситуациях несколько пистолетов, ракетниц, гранат, патроны и ракеты.

Запас нашего оружия пополнился немецкими карабинами, которые были похищены Владимиром Петрухиным у зазевавшихся фашистов, стоящих у него на постое.

Кроме приобретения оружия, самым важным мы считали распространение листовок и сводок Совинформбюро, которые поступали к нам нерегулярно и случайным образом.

Если учесть жестокость оккупации, в задачу которой входило не только физическое уничтожение некоторой части населения, но и поголовную психологическую обработку всех советских людей, то наши листовки, их содержание и даже сам факт их появления сводил на нет пропаганду «нового немецкого порядка».

Особенно нам помогли в этой работе те газеты, о которых я уже упоминал. Пакеты, которые я унес после встречи со старшим политруком, оказались подбором газет «Правда» и «Известия» за последние военные месяцы. Почти в каждой из них были карикатуры на гитлеровское руководство. Мы их вырезали, наклеивали на чистые листы, делали нужные и соответствующие данному моменту подписи и вывешивали в людных местах города (чаще всего на базаре).

Листовки расклеивали все члены группы, но мне хочется отметить особенную изобретательность и артистичность при выполнении этой задачи Ларисой Зубковой и Зиной Шамильян.

Василий Стекачев и Валентин Карайченцев имели контакт с людьми, которые работали в городской управе и в полицейских участках. Им удавалось различными путями узнавать о намечающихся облавах на городское население с целью угона наших людей в Германию.

Если в начальные месяцы оккупации фашисты надеялись использовать население города на заводах и шахтах Донбасса, то через какое-то время они поняли, что с этой затеей у них ничего не получится, и они стали отправлять жителей этого шахтерского края на свои германские заводы и шахты.

Облавы чаще всего устраивались на городском базаре, где всегда было большое скопление людей. Но в результате принимаемых нами мер очень часто фашисты и полиция окружали базар тогда, когда он был совершенно пустым. Мы проникали на базар с разных его сторон до облавы и достаточно было шепнуть кому-нибудь о намеченной облаве, как базар мгновенно пустел – люди моментально его покидали и прятались по домам и подворотням.

Сейчас я иногда смотрю на своих сверстников и думаю о том, что у многих из них судьба могла бы стать совершенно иной, если бы в период оккупации они не получили бы от нас той информации, которая спасла их от фашистского рабства в далекой Германии.

Анатолий Житников и Владимир Макогон работали в Ханжонково на немецком армейском хлебозаводе в качестве разнорабочих. Молодые парни, почти подростки, сортировали мешки из-под муки, выполняли разные поручения немецких пекарей. Никто не мог предположить, что к частым поломкам системы разогрева печей, к мучной массе, которая никак не хотела становиться тестом, к неудавшейся выпечке хлеба имели прямое отношение и Анатолий и Владимир.

Диверсии на углекислотном заводе, который фашисты безуспешно пытались пустить в эксплуатацию, проводили наши ребята, используя опыт старых рабочих и проявляя собственную смекалку для вывода из строя компрессора, насосов и других механизмов.

После разгрома немцев под Сталинградом мы активизировали свою работу и, учитывая близость фронта, решили готовить возможность оказания помощи нашим войскам с немецкого тыла. Было принято решение увеличить число участников нашей группы.

Примерно в феврале 1943 года в группу были приняты братья Демидовы – Георгий и Владимир, которые в дальнейшем предали всю нашу организацию. Однако, имея связь только со мной и Борисом, они не знали наших ребят и о существовании группы только догадывались. Но это не помешало им доложить гестаповцам о намечаемом сборе группы. Все наши подпольщики, которые были собраны вместе под видом празднования религиозного дня Пасхи, 23 апреля 1943 года были арестованы гестаповской командой ГФП-721.

Не вдаваясь в подробности, сообщу, что мне и Владимиру Петрухину удалось бежать: я ушел непосредственно из следственной канцелярии, а Петрухину удалось бежать из тюрьмы.

Все наши ребята тоже остались живы. И это случилось только потому, что фашисты, пытаясь выяснить наши связи, затянули допросы, а приближающийся фронт заставили их бежать так поспешно, что акцию по уничтожению заключенных они поручили полициям, которые не преминули последовать за своими хозяевами.

Я перешел линию фронта и вступил в ряды Советской армии. Все мои товарищи вернулись в город и работали на восстановлении шахт и заводов Донбасса. Братья Демидовы за предательство были осуждены военным трибуналом.

Жизнь продолжалась, но для нас всегда был загадочным вопрос: кто возбудил дело против Демидовых и почему без всяких заявлений с нашей стороны они предстали перед судом военного трибунала.

С момента событий, о которых я рассказываю, прошло более тридцати лет и они стали для нас очень далекими воспоминаниями, вернуться к которым не всегда хватало времени.

Но в 1973 году меня пригласили в КГБ города Москва и Московской области и предъявили к опознанию несколько фотографий. На одной из них я опознал человека, который был переводчиком в команде ГФП-721 и который допрашивал меня в следственной канцелярии гестапо.

И тут я впервые узнал, что о нашей деятельности, о Демидовых, которые нас предали, и о нашем аресте было известно в Комитете Государственной Безопасности через двух наших разведчиков, которые, не зная друг друга, работали в команде ГФП-721, выявляя предателей на оккупированной территории и фиксируя агентуру, засылаемую фашистами за линию фронта.

Игорь Харитонович Аганин под именем Георга Вебера в ГФП-721 заведывал канцелярией, а Лев Моисеевич Бреннер под именем Леонида Дубровского в этой же команде работал переводчиком. Они были свидетелями нашего ареста и своевременно через своих связных сообщили имена предателей.

Переводчик, допрашивающий меня в гестапо и опознанный мной по фотографии – Александр Потемин – долгое время скрывался в Москве и только через тридцать лет был выявлен нашими органами безопасности.

Потемин, предавший Родину, получил заслуженное возмездие.

Незабвенной памяти советский разведчик Лев Бреннер под именем Леонида Дубровского погиб в застенках той же команды, в которой вел разведывательную работу, а кандидат наук Игорь Аганин и поныне успешно работает и проживает в городе Москве».

Вернигора С. А. по материалам фондохранилища музея ДонНАСА.